

Х
Римма Ефимкина

Хорошая.
Женщина

Мёртвая.
Женщина

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ

Римма Павловна Ефимкина
Хорошая женщина
– мертвая женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149673
ISBN 9785449607669

Аннотация

В сборник вошли три книги психотерапевтических новелл. Интрига большинства из них построена на проникновении во внутренний мир женщины в момент, когда ей предстоит найти выход из безвыходного положения.

Содержание

Книга 1. Хорошая женщина – мертвая женщина	5
Гордость психоаналитика	5
Грибы	8
Шуба	13
Три георгина	20
Парадокс	25
Список чувств	28
Иные законы	35
Морская капуста	42
Таракан	47
Жучка	55
Сундук с секретом	60
Дежавю	67
Холодные ноги	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Хорошая женщина – мертвая женщина

**Римма Павловна
Ефимкина**

Дизайнер обложки Анастасия Степанчева

Иллюстрация на обложке Ольга Воронина

© Римма Павловна Ефимкина, 2018

© Анастасия Степанчева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4496-0766-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Хорошая женщина – мертвая женщина

Гордость психоаналитика

Знание психологии совсем не облегчает жизнь, а наоборот: многия знания – многия печали. Лариса как раз была психологом и в свои тридцать восемь находилась у самого края той печальной черты, когда, согласно статистике, одинокие женщины по какой-то таинственной причине перестают интересоваться мужчин, и последние устремляются к молодым женщинам или женщинам постарше, но уже за сорок пять, когда, как известно, баба ягодка опять. Лариса разбиралась и в статистике тоже, и вообще мало осталось вещей, в которых она не разбиралась, и ее совсем не успокаивало то, что через какие-то семь лет у нее появится шанс стать снова интересной для противоположного пола.

Этот мужчина ею заинтересовался, вернее, ее экзотическими домашними растениями, которые она привозила из самых разных, тоже экзотических, мест, тайком отрывая где листок, где черенок, которые потом укореняла, и если тот выживал, то оставался в горшке на одном из подоконников или в углу ее двухкомнатной хрущевки, а если нет – то,

стало быть, не судьба. Но вообще-то живность не особенно заживалась в ее доме, учитывая ее работу фрилансера, что переводится на русский язык как «волка ноги кормят».

Оглядывая обстановку квартиры, он переходил от одного растения к другому, безошибочно называя латинские их имена, и периодически удивлял ее нелепыми, с ее точки зрения, вопросами, например, зачем она принесла из лесу в дом и раскрасила белилами древесный гриб чагу, или почему на плоской морской раковине нарисованы гуашью две японские женщины-танцовщицы с веерами, или что означает рисунок эфирного тела с семью чакрами, прикрепленный над обеденным столом в пятиметровой кухне. Она глубоко вздыхала в ответ и переводила разговор на другие темы, понятные ему.

Потом она узнала, почему он так хорошо разбирается в комнатных растениях. В его холостяцком доме, не в пример более зажиточном, чем ее крохотная хрущевка, тоже обитали редкие цветы. Как знаток знатоку он с гордостью показывал своих питомцев, рассказывая их биографии:

– Я люблю такие растения, каких ни у кого нет. Люблю, когда они еще маленькие, только-только набирают силу. Потом они разрастаются, заслоняют свет, начинают мне мешать, и тогда я их обрезаю, чтоб не зарывались.

– А как же черенки? – спросила подвыпучившая глаза Лариса, мысленно поставившая себя в этом рассказе на место его растений и уже все понявшая наперед про перспективу

их отношений.

– С обрезками-то? – наивно переспросил он, не имеющий понятия о психоанализе. – А я сажу их в тюрьму, чтобы знали свое место, – и он подвел соскучившуюся вдруг Ларису к аквариуму-тепличке, где аккуратными рядами укоренялись обрезанные черенки.

Ей уже все было ясно, оставалось только подтвердить гипотезу экспериментом, что она и делала в последующие семь лет, то напрасно дожидаясь его у накрытого для романтического ужина со свечами стола, то заставая в его квартире-оранжерее свою молодую подчиненную, тоже психолога, с которой она же его и познакомила на предмет обмена черенками. Каждый раз боль унижения она принимала за гордость психоаналитика и глубокое удовлетворение ученого, прозорливо угадавшего последствия открытого им закона.

29.08.07

Грибы

Она обожала собирать грибы, но почему-то никогда их не ела, ни в жареном, ни в вареном виде, хотя умела готовить и так и этак, а также прекрасно солить, мариновать и сушить. И в любое время года в ее доме на стол подавались крошечные скользкие маслята или благородные белые, никогда не чернеющие на тарелке, в отличие от, скажем, подосиновиков, грибов «второй категории». Чего она не знала о грибах, того и знать было не надо, и она иногда говорила, что если бы она могла хотя бы частично так разбираться в психологии, как в грибах, она бы была великим мастером.

Впрочем, в психологии она разобралась достаточно для того, чтобы применить знания и методики, которые она применяла по отношению к своим клиентам, к самой себе. И однажды, гуляя в бору и зорко выглядывая в пестроте хвойной подстилки тугие шляпки белых, она задала самой себе вопрос, который ей задавали на протяжении многих лет и даже десятилетий все ее друзья, так любившие ее грибные деликатесы: зачем она собирает грибы, если сама их не ест?

Но, как известно, на все есть причины, иногда скрытые от самого человека, это работа защитных психологических механизмов, в данном случае вытеснения, и она отмахивалась от этого вопроса как от нелепого столько времени, сколько ей было нужно, чтобы, наконец, решиться на раз-

вод со своим мрачным мужем, с которым она протрубила от звонка до звонка семнадцать лет, все эти годы находя равновесие и согласие с самой собой только в одном месте – в лесу, неважно, сосновом бору или березовой роще, благо, и тот и другой окружали ее жилище с самого раннего детства.

Походы в лес по грибы были любимейшим ее занятием с полутора лет – она точно знала точку отсчета, потому что мать изредка со смехом вспоминала, как они с отцом впервые взяли ее с собой в лес в полтора года, и она, вернувшись, на потеху всему двору искала землянику в траве под дощатым столом, за которым мужики забивали козла. Потом, когда подросла, она уже все помнила сама. Сосновый бор лежал своей громадой прямо за железной дорогой, отделяющей его от жилого района. Железнодорожного моста тогда еще не было, и они с родителями шагали через пути, иногда подолгу дожидаясь, пока пройдет груженный товарняк. Мать, чтобы скоротать время, подбирала камушки и подбрасывала их на ладони, ловя в воздухе тыльной стороной, потом снова подбрасывала, и они снова оказывались в ладони.

Отец на железной дороге проработал всю жизнь и поэтому спокойно и не спеша проходил даже через сортировочную горку, где так страшно шипел пар в тормозном механизме и где вагоны катились сами по себе, и надо было успеть пробежать перед следующим, пока он не разогнался. Но даже этот страх не мог перекрыть умиротворения, которое потом наступало в лесу, когда пахло нагретой хвоей на полян-

ках, и желтые иголки прилипали к клейким шляпкам маслят. Все вместе садились на теплую сухую хвою, мать доставала вареные яйца, завернутые в газету, соль в пузырьке из-под лекарства, огурцы, лук-порей, слипшиеся нарезанные куски серого хлеба и бутылку воды, и кратковременный страх, пережитый во время перехода через железнодорожное полотно, воспринимался как ничтожная плата за всеобъемлющее счастье.

По пути в дальний березняк имелся другой подвох. Там не было железнодорожных путей с сортировочной горкой, зато дорога шла через ветхий деревянный мост над речкой с местным названием, с перилами только по одной стороне. Потом идти предстояло через всю деревню с ее опасностями, вызывающими ужас у городского ребенка: гусями, козами, коровами и бодливым быком, – лучше и не перечислять, а прижаться покрепче к хохочущей матери и не отходить далеко. Отходить все равно приходилось, особенно на обратном пути, когда ноги не слушались и норовили подогнуться от усталости. Она забегала вперед, садилась на пыльную дорогу под палящим солнцем, и пока родители приближались, пыталась отдыхать. Потом ночью перед закрытыми глазами мельтешили собранные за день грибы, сладко гудели ноги, и если на другой день ее будили на рассвете, чтобы снова идти в лес, она вскакивала без капризов, пока не передумали и не оставили ее дома под присмотром бабушки, живущей в соседнем подъезде. И хотя во всей последующей

взрослой жизни всегда была совой, любившей поспать до десяти, а то и дольше, если предстоял сбор грибов – вскакивала как штык, потому что грибы были счастьем, которое не сравнимо ни с чем...

Удивительно, что ни муж, ни дочь впоследствии не разделяли ее грибной страсти. Младший брат, родившийся через одиннадцать лет после нее, тоже не отличил бы волнушки от шампиньона, но тогда у родителей уже все было по-другому. Мать уже не заливалась своим заразительным смехом, когда отец из-за своего дальтонизма принимал за сыроежку поганку, а отец не хехекал победоносно, обнаружив семейство опят. Они все еще ходили иногда в бор или березняк, но не перекрикивались, потеряв друг друга из виду, не подзывали, чтобы похвастаться или полюбоваться вместе необычной находкой. Иногда отец увозил мать в лес на мопеде, а потом приезжал, чтобы забрать с уже наполненной корзиной, и как-то раз они заявили помятые и в грязи – отец из-за густой пыли, поднявшейся за обогнавшим его мотоциклом, не заметил канаву и завалился вместе с мопедом и сидящей сзади матерью прямо на дорогу, измяв и корзину с грибами. Мать тогда уже разучилась хохотать над всеми невзгодами жизни и, вернувшись из лесу, гневно высыпала содержимое корзины в мусорное ведро, как высыпала бы остатки их с отцом разваливающегося брака, если бы не родился второй ребенок, связавший их по рукам и ногам по понятиям того времени, в которое все это происходило.

И однажды, как бы завершая незавершенное намерение своей матери, она также смяла и высыпала в мусорное ведро останки своего нудного, бесконечного, бессмысленного замужества и, гуляя по лесу, уже в другом районе, не там, где она росла, а там, где поселилась семнадцать лет назад со своей семьей, но тоже зеленом, лесном, грибном, она вдруг задала себе этот вопрос – не кто теперь будет есть эти грибы, которые она так любит собирать, но и только, – а почему она так любит их собирать? И психолог внутри нее проанализировал этот вопрос так же хладнокровно и честно, как делал это по отношению к ее клиентам, правда, не подозревая еще, к какому результату приведет этот анализ.

А привел он к тому, что глубокое умиротворение и гармония, к которым она подспудно стремилась в своей обыденной жизни, словно к чему-то знакомому, испытанному уже раньше, но неизвестно когда и где, а потому невозможному, недостижимому, вдруг обозначились так ясно в этих совместных семейных грибных походах, когда молодые мать и отец любили друг друга и ее, свою смышленную единственную тогда еще дочку, и внезапно все это совпало, сцепилось разом: грибы, лес, солнечный летний день, счастливый смех и даже железная дорога, запахи и звуки которой ее тоже почему-то волновали всю жизнь. Грибы научилась собирать, а строить счастье – нет...

30.08.07

Шуба

Утром обнаружилась пропажа шубы. Переворошив на вешалке свой пуховик со сбившимися в подол остатками пуха и слипшимися подкладкой и верхней тканью, мужнину осеннюю куртку, так и не убранныю на зиму, дочерины шмотки, среди которых тут же пижама (вот паразитка!), увидела ее старенькое пальтецо, сообразила: все ясно, нацепила мою шубу и ушла в школу!

Посидела в угрюмом оцепенении, вздохнула: в чем-то надо идти в университет. Откорябала лед с оконного стекла, сквозь утренние сумерки разобрала на уличном термометре: минус двадцать пять. Ого! В пуховике только мусор выносить, где-то еще было зимнее пальто, так называемое «марлевое», но если между протершимся драпом и ватином вставить и приметать полиэтиленовый пакет, то продувать будет меньше. Кое-как придала себе социально-приемлемый вид, надела на лицо выражение типа все нормально и шагнула в декабрьскую темень.

Вечером с ноющим сердцем приступила к разборкам с дочерью:

– Ты что, совсем нюх обморозила?!

Молчание.

– Я тебя спрашиваю?!!

– Тебе чё надо?

– Я сегодня позорилась перед студентами в этом вторсырье, там что ни студентка, то в чернобурке, а я как старьевщица!

– Ну так купи себе чернобурку!

– На какие шиши?

– У отца возьми.

– Что значит возьми! Он их что, печатает?

– Да ладно прикидываться-то.

– Это на черный день!

– Ну вот, считай, что настал.

Это точно, настал. Сначала в пятнадцатилетнюю провудочь улетала вся косметика, потом пошли платья-костюмы, а вот теперь до шубы добралась! Слава тебе, Господи, что размер ноги разный! Деньги, конечно, у мужа есть, даже в долларах, и ни на какой черный день они лежат, а на поездку за четыре тысячи километров, куда он периодически срывается к своей тайной подруге, только тайну эту она давно уже знает, а делает вид, что не знает, лишь потому, что не знать безопаснее. Она привыкла уже закрывать свои слишком зоркие глаза то на одно, то на другое и жить сегодняшним днем, решая проблемы по мере их поступления. Вот проблема и поступила – настала зима, дочь выросла, на дворе девяностые, а молодость проходит почему зря: ни мужа, ни денег, ни, следовательно, шубы. Горькие слезы.

– Ма-ам, ну что ты, мне же тоже надо в чем-то ходить! А тебе твоя шуба и так уже мала, да и вообще стыдно трид-

цатипятилетней женщине ходить в мутоне, да ладно бы полированный мутон, а то так себе, овчина...

Что б ты понимала, овчина! Эту шубу в восемьдесят девятом мать, твоя бабка, привезла из Баку, тогда только там и можно было их купить, да еще такого маленького размера, сорок второго. Да разве детям объяснишь, как что достается!

Она тогда как раз загремела в больницу с аппендицитом, прямо на первое мая, кругом все в зелени, а она буквой зю с торчащей из правого бока трубкой. У матери путевка в кои веки, она и на самолете-то ни разу не летала, а теперь разрывается между материнским и общественным долгом, летит весь ее спетый-спитой коллектив, душой коего она является, деньги с книжки уже сняла на три шубы, одну себе, вторую дочери, а третью – окупить поездку, но провезти можно только две, стало быть, третью провезет одна из товаров, которая не наскребла денег на комплект.

Сидит у больничной кровати с амбивалентным лицом, да поезжай ты уже, что толку тут сидеть! Операция уже сделана, ненужный воспалившийся отросток отрезан, а отрезать бы надо другой ненужный отросток, которого сколько ни корми, а он все одно в лес смотрит, за четыре тысячи километров. Пришел после операции навестить: что это ты непричесанная и без макияжа? Засунула немытую голову под холодный кран прямо в раковину в палате, в мае горячую воду отключают на профилактику, навела марафет. А, что об этом вспоминать... Ну и поехала, и привезла три шубы, одна вот она,

на драку собакам, хотя за семь лет и маловата стала, и вытерлась на сгибах, однако прослужит еще сто лет. Да, овчина, да, сейчас такие уже не носят, а носят нутриевые, а уж если совсем шикарно – то из енота, крашеного под чернобурку, но это уж так, помечтать...

– Ма-ам, а ты скажи ему, что на послезавтра минус тридцать пять обещают, и что теперь, околеть? Ну а как же закон, что все в семье общее? Ма-ам, а ты возьми у него деньги да купи сама, что ты, не знаешь, где они лежат? А потом скажешь, какая разница?

Кого вырастила, твою мать! Я такая не была. Я попросить-то боялась, входила в положение. Хотя, если посмотреть, то с какого перепугу входила в их положение? Отец как-то привез из командировки калымных денег, развернул пачки, устроил дождь из новеньких рублей, купил матери сапоги, капроновый платок, пальто кримпленовое, а вечером напился, взял топор и разрубил все покупки на кусочки. На другой день купил все то же самое заново, только на пианино уже не хватило, мать сослалась на то, что дочери не захотелось учиться в музыкальной школе, вроде как та обронила, что не больно-то и надо, так и порешили. Потом эти слова мать часто пересказывала («а моя сказала, что в музыкальную школу не пойдет, так что я буду зря деньги тратить на пианино?»), порубленные сапоги стали домашними тапками, а платок, восстановленный вручную из неровных кусков швом через край, тоже зачем-то был сохранен, попадал-

ся иногда на глаза, напоминая о той единственной большой отцовской зарплате. Так что денег не было, надо было входить в положение родителей и обходиться как-нибудь тем, что есть.

Эта уродилась другая неизвестно в кого. Надо ей – взяла без спросу и пошла, на мать наплевать. А, может, так оно и надо? Всю жизнь входишь в чье-то положение: сначала родителей, чтобы, не приведи Господь, их не расстроить (а на самом деле не разозлить), теперь мужа, дочери... Может, эта пятнадцатилетняя выдерга права, взять да и вытащить у него из внутреннего кармана записку, все равно уйдут той!

Где-то читала про созидующее видение, что надо представить, чего хочешь, и начать творить в своем воображении. Вроде как энергия следует за мыслью, и если о чем-то думаешь, то оно сбудется. Только представлять нужно во всех деталях: как эта шуба сидит на тебе, как ты проходишься с надменным лицом (в духе манекенщиц в журналах «Мода») мимо коллег-мужчин, как обзавидуются тетки в университете. Не верится, что такая фигня действует, только расстраиваться лишней раз. Надо подумать лучше про что-то более реалистичное: например, поставить на двойной ватин пальто и доходить эту зиму, а там... А что там? А про «там» думать еще опаснее.

Муж позвонил в дверь, внутри похолодело. Открыла, впустила с мороза, видимо, как-то отличалась от себя обычной:

- Что-то случилось?
- Поешь сначала, потом поговорим.
- Давай уже, не томи!
- Мороз обещают, шуба нужна.
- Сколько?
- Не знаю...
- Ну так узнай!

Мужья никогда не должны знать, что сколько стоит. Если мало – набавить, если много – убавить, главное – сбить со следа, запутать, чтоб была возможность выкроить разницу, которую сберечь и потом с ее помощью свести концы с концами, а то и вообще дерзнуть – тайком купить то, о чем давным-давно мечтала – купальник или сумочку. Этому женскому искусству выживания не учатся специально, оно в крови. Если шуба стоит шестьсот баксов – проси семьсот, разница не так заметна, зато хватит на приличную меховую шапочку. Если же сваляешь дурака и попросишь ровно столько, сколько нужно – забудь о шапочке раз и навсегда: насчет шубы он проявит благородство, шуба жене – это классика, дань неписаному закону, который мужчина, скрепя сердце, соблюдает. Но если через неделю, обнаружив, что шубу не с чем носить, зайкнешься о шапочке – навлечешь на свою голову громы и молнии.

Короче: выдох, пауза, звонок по телефону подружке якобы про стоимость шубы (которая давным-давно известна и зависит от того, какова сумма мужчиной заначки, тоже хо-

рошо известная), и продолжение диалога, теперь уже недолгое ввиду того, что супруг надуется и уставится в газету (поездка к его тайной подруге под угрозой). Баксы переложены из внутреннего кармана его пиджака в специально пришитый к нижнему белью карман, откуда завтра будут со вздохом выпороты в женском туалете холла известной гостиницы, переоборудованного в меховую ярмарку. Шуба будет нутриевая, и она откроет новую эру в жизни этой семьи – женщине достаточно одной-единственной победы для научения, одной-единственной, чтобы решить: лучше бояться и сделать, чем бояться и НЕ сделать. И так теперь будет всегда: и когда она, обмирая от ужаса, проявит свою осведомленность об иногородней подруге мужа, и когда в результате останется вдвоем со старшеклассницей-дочерью, без работы и без денег, и будет в панике браться за все предложения и как-то даже успешно справляться с ними, пока не обнаружит, что давно уже востребована как профессионал, и когда, мучаясь ночными кошмарами, купит свою первую квартиру... Ужас и ужас. Но не УЖАС!!! же...

12.09.07

Три георгина

Она по темноте возвращалась за город в полном автобусе, уже начиная трезветь после вечеринки. Он ехал с сыном-подростком и изредка бросал на нее взгляды. Ей не понравился: обросший, неухоженный, лысеющий. Место на заднем сиденье освободилось, и он, вместо того чтобы уступить ей, поспешно посадил на него своего сына. Она фыркнула от такого хамства, так как не сразу догадалась, что этот маневр ему понадобился, чтобы заговорить с ней без помех. И когда он приблизился к ней со словами: «Так поздно и без охраны», – отбрила: «Каждый думает, что если красивая женщина едет одна, то с ней можно заговаривать в общественном транспорте».

Той же ночью, увидев в зеркале его холостяцкой квартиры свое похмельное лицо с расплывшейся под глазами тушью, она поняла, что слова про красоту сильно преувеличены. Однако, как потом он ей признался, именно они его заинтриговали: надо же, ничего особенного и такого высокого мнения о себе.

Это первое свидание не удалось: слишком уставшие были оба, за тонкой стенкой то ли спал, то ли притворялся, что спал, его ревнивый сын; два чужих неустроенных человека, сегодня пусть будет как будет, а завтра каждому своей дорогой.

Тем не менее, в выходной он купил три красных георгина и отправился по сентябрьской хмари в частный сектор на поиски адреса, который она все-таки оставила, уходя. Дверь открыла молодая женщина с огромными глазами, и он непроизвольно извинился, думая, что ошибся адресом. И тут же был ошеломлен, узнав в красавице свою давешнюю усталую знакомую. И в этом ошеломлении пребывал все то время, пока она переезжала со съемного жилья в его квартиру, пока они подавали заявление в ЗАГС и пока он не поверил, что это не мираж, что эта на десяток лет младше его, образованная, со вкусом одетая женщина – его жена. А она обнаружила, что вышла замуж за разведенного аспиранта, без пяти минут кандидата наук, владельца хоть и пустой (благородно все оставил жене после развода), но зато собственной однокомнатной квартиры. В его отсутствие она поила чаем подруг среди оклеенных его диссертацией стен, и те вздыхали, приходя к выводу, что их ранние браки вовсе не победа, и им на ум приходили выражения народной мудрости вроде «цыплят по осени считают» и «хорошо смеется тот, кто смеется последний».

Однако в ранних браках есть все-таки свои положительные стороны, к примеру, та, что молодые начинают с чистого листа, и если испачкают лист чем ни попадя, то претензии только к себе. Люди пожившие, вступив в брак, вынуждены разгребать чужое. Так, однажды в дверях ее нового жилища, неведомо откуда узнав адрес, нарисовался некто, о ком мрач-

но шутят: «нашелся тот, кого вы не теряли». Диалог происходил на пороге и больше состоял из монолога с его стороны, а от нее в ответ были остановившийся взгляд и побелевшие губы. Тем не менее, вечером возвратившийся с работы супруг обнаружил в почтовом ящике записку, не оставляющую разночтений: «Я увидел тебя. Теперь мне есть, чем жить», и это ознаменовало новый этап в семейной жизни молодоженов.

Она тоже недолго праздновала свой триумфальный переход от неприличного положения невестребованной девы-перестарка (двадцать восемь лет!) к высшей ступени в женской социальной иерархии – браку с устроенным опытным мужчиной. Дело в том, что сын-подросток, проживавший с отцом временно (отсюда и благородство – разменять квартиру со всеми удобствами в пользу бывшей жены с ребенком), по таинственной причине не переехал к своей матери, уже беременной в новом браке, а остался с отцом и вступил в пубертат со всеми вытекающими: черепом с перекрещенными костями на дверке письменного стола, холодильником, перманентно опустошаемым им и его варварами-одноклассниками, зубодробильной магнитофонной музыкой, интонациями, с пол-оборота вызывающими бешенство у самого чадолюбивого взрослого. Она тоскливо искала в квартире место, откуда не будут пропадать ее сигареты, купленные в тяжелую годину эпохи развитого социализма либо по талонам, либо по баснословным ценам у фарцовщиков, и расклеивала объ-

явления об обмене куда угодно, только на большую жилплощадь с изолированными комнатами.

Почему-то их брак никак не мог ограничиться только ими двумя, уставшими пилигримами, желавшими только одного – покоя, заботы и отдохновения, все время другие люди вклинивались, заставляя их оправдывать социальные ожидания. От него требовалось закатить ей сцену ревности по поводу ее прошлой жизни, которая бурно протекала сначала в студенческих общежитиях и стройотрядах, потом в съемных квартирах молодого специалиста по распределению, так что отголоски в виде непрошенных визитеров долго еще будут аукаться, бросая тень и на него, ничего не подозревавшего мужа. А она должна была взять на себя роль молодой мачехи, которая изображает из себя добрую мать до того момента, пока подавленная субличность не выйдет из-под контроля и не проглянет наружу.

Видимо, в такой триангуляции был какой-то скрытый смысл, возможно, от этого зависел эмоциональный баланс этого семейства. И если вечер заканчивался скандалом, вспышкой ревности, истерикой, бурным выражением чувств, продиктованными этим классическим сценарием, то далее следовал недолгий разрыв, обоюдное надутое молчание, во время которого каждый снова соприкасался со своим постылым одиночеством и неприкаянностью, после чего наступала полная любви ночь. Потом снова требовался кто-то третий, чтобы поссорить их и после этого снова бросить

в объятия друг друга.

Иногда третий долго не появлялся. Его сын вырос и съехал неведомо куда, скрываясь от армии. Ее поклонники исчерпали свое предназначение и уже не бодрили так, как прежде, своим внезапным появлением. Тогда приходилось полагаться на свои собственные возможности и средства.

Так, семь лет спустя, накануне годовщины их знакомства, она глубоко затянулась сигаретой и произнесла ровным голосом, обратившись к своей проверенной подруге: «Пусть только попробует завтра забыть принести георгины!» И выдохнула струю дыма вверх, заранее торжествуя в предвкушении последствий его забывчивости.

Оба супруга, а также проверенная подруга, знают, что тогда будет. Завтра что-то помешает ему принести цветы. А потом все пойдет как обычно: молчание, истерика, взаимные обвинения, валерьянка, примирение и бонус – ночь любви, хоть уже и не такая бурная, как в тот пасмурный сентябрьский день, когда он принес ей три красных георгина и когда степень их влечения друг к другу была такой же сильной, как степень предшествующего одиночества.

14.09.07

Парадокс

Как известно, жены и мужья каким-то парадоксальным образом всегда узнают последними о тех вещах, которые касаются лично их. Речь идет не обязательно об изменах (хотя на них в первую очередь распространяется это странное правило), речь идет о самых, казалось бы, обыденных вещах, например, о курении.

Галина курила всю свою взрослую жизнь, начиная с юности, а муж никогда об этом не догадывался. Так и подмывает спросить: неужели никогда-никогда? Притом, что жили они вместе с того самого времени, когда стало возможным пойти в ЗАГС. То есть с его восемнадцатилетия, которого они дожидались шесть лет. А эти шесть лет нужно отсчитывать от того момента, когда она пришла вожатой в его шестой класс и между ними случилась любовь. Теперь уже их старшему сыну исполнилось столько же, сколько ему в год их знакомства, следом подрастала дочка, а курила Галина по-прежнему от мужа тайком.

Неведомо, как можно утаить такую заметную привычку, как курение, от некурящего человека. Самое невероятное – как это можно не учуять запах! Положим, можно сослаться на то, что одежда и волосы провоняли в офисе, в котором курят ну буквально все, но что делать со ртом, зубами? С цветом кожи, наконец? С самими сигаретами и зажигалкой –

в каком таком месте их можно успешно прятать в течение почти двадцати лет и ни разу не проколоться?

У Галины на этот счет было все продумано. Для того, чтобы муж не застукал ее за преступным занятием, была разработана целая система оповещения. Когда он заходил в ее офис (сам он в данный момент не работал, она давала ему возможность подкалымить, ремонтируя помещение ее фирмы), коллеги знали каждая свою роль. Одна сотрудница задерживает его в коридоре и отвлекает внимание разговорами; другие по цепочке передают взглядами и по телефону друг другу и, в конце концов, ей, что он здесь; она тушит сигарету, зажевывает «орбитом» и открывает форточку. Система отлаженно работала долгие годы, ни разу не давая сбой, и семья мирно существовала.

Эта семья долгие годы делала одни и те же вещи. Например, сидела на чемоданах и ждала переезда в новую квартиру, которую строил МЖК много лет. Просвета что-то не наблюдалось, и в квартире скопилось множество коробок с нераспакованной мебелью и бытовой техникой, часть которой за время ожидания успела морально устареть. Где-то рядом с будущей новой квартирой в новом гараже стоял их новый «Москвич», который тоже не эксплуатировали, потому что это был другой конец города. Пока что жили в бабушкиной трешке, передвигаясь боком по лабиринту из нагромождения коробок, сама же бабушка последние двадцать лет умирала от рака и собиралась умирать еще столько же.

Кончилась их совместная жизнь в одно мгновение. По времени это совпало со сдачей нового дома. Галинина система оповещения по какой-то необъяснимой причине не сработала: на всем протяжении пути мужа от входной двери до кабинета Галины не оказалось ни души. Он увидел жену с сигаретой, дал пощечину, прибавив: «Развратная девка!» – и покинул помещение.

Вернувшись домой, она обнаружила, что в квартире стало просторнее: исчезли из проходов коробки с техникой, а из шкафа – его вещи. Сам он тоже ночевать не пришел, не вернулся и на другой день, и на третий.

Больше ничего не изменилось. Она жила так же с детьми и бабушкой, перманентно умирающей от рака, так же ходила на работу в свой офис. Только курить стала открыто, с видимым удовольствием затягиваясь, а потом выпуская кольца дыма вверх, к потолку.

7.12.11

Список чувств

– Не знаю, как описать свои чувства... В общем, начну с конца. Он ушел!

И больше не может говорить, закрыла лицо руками, занавесилась длинной челкой. Подвигаю ей коробку с салфетками – она всегда стоит на моем столе в кабинете, чтобы клиенты могли рыдать и сморкаться, не отвлекаясь от процесса. Удобно, дергаешь за кончик одну за другой, надолго хватает. Чем больше своих слез они оставят здесь, вот в этих скромных одноразовых платочках, тем им станет легче. Мы, психотерапевты, ассенизаторы человеческих душ, освобождаем их от подавленных эмоций.

– Можете сказать, какое у вас сейчас чувство?

– Горечь, отчаяние, ну, я не знаю, жалость к себе!

– ...за то что?.. (это я продолжаю ее речь с вопросительной интонацией, предлагая завершить фразу).

– За то, что он ушел, и жизнь моя кончилась! Единственное, чего сейчас хочу – это умереть!

– ...потому что для меня его уход означает?.. (это снова я).

– Потому что для меня его уход означает потерю всякого смысла существования. Для меня он – это все!

– «Все» – это что именно?

– Да все! Все лучшее, что у меня было, связано с ним!

– А можете привести пример?

– Да полно примеров! Все три года, что я была с ним – лучшее время моей жизни!

– Сморкайтесь, дышите. (Держу паузу, чтобы она успевала освобождаться от побочных продуктов своей одержимости). А ушел из-за чего?

– Он психанул, когда я накричала на него, что очередной раз стукнул мою машину! Но меня тоже понять можно – сколько раз говорила: не надо играть в шашки на дорогах! Не надо подрезать! И шары разуй, когда паркуешься!

– И какое чувство сейчас?

– Да гнев, конечно, даже ярость! Как так можно было шаркнуть об этот столб, что по всему боку краску содрал! Говорит, специально такое место нашел, чтобы эвакуатор не смог машину забрать.

– Вот вам лист бумаги, записывайте в столбик свои чувства, которые будут возникать в процессе нашей беседы. Начали вы с горечи, отчаяния и жалости к себе. Сейчас гнев и ярость.

Старательно записывает, не забывая поглядывать в зеркальце и подтирать потекшую тушь.

– Вы сказали ему о своем гневе?

– Да лучше бы не говорила!

– ...потому что?..

– Потому что он хлопнул дверью со всей дури, швырнул ключ в сугроб, и я потом на карачках ползала по талому снегу разыскивала его. Он считает, что раз мы едем в машине

двоим, то и вина общая.

– И чувство при этом?

– С одной стороны, возмущение, с другой – унижение невероятное!

– Записывайте: возмущение и унижение. А как он оказался за рулем вашей машины?

– Я сама ему предложила.

– А что было бы, если бы вы были за рулем сами?

– Да он бы вообще не поехал, сказал бы: женщина за рулем – все равно что обезьяна с гранатой. В этом я с ним согласна – всегда приятно чувствовать себя слабой женщиной рядом с сильным мужчиной.

Слово «женщиной» она произносит как «жженщщиной», а „мужчиной“ – „мущщиной“. Не знаю, почему мои клиентки так делают, но это какая-то общепринятая манера: как только речь заходит о „настоящей жженщщине“ и настоящем мущщине», они сразу начинают пришепетывать. И лицо становится таким серьезным, что мне понятно – это святое, и шутить на эту тему нельзя. Я все-таки, набравшись храбрости, рискую продолжить разговор:

– А что такое для вас – быть слабой женщиной?

На минуту перестает плакать, вскидывает на меня раздраженный взгляд, дескать, сама не понимаешь, что ли?

И со снисходительным вздохом поясняет:

– Это когда мужчина может защитить.

– А на вас кто-то нападает?

– Ну, мало ли, на всякий случай.

– И были случаи?

– Да, был случай. Но это он сам на меня поднял руку, когда я не сдержалась, наорала на него.

– То есть получается, что ваш мужчина, рядом с которым вы хотите чувствовать себя слабой женщиной, и есть ваша основная угроза?

– Да вы не подумайте, я сама была виновата, он потом объяснил, что ударил меня по щеке, чтобы привести в чувство, знаете, помощь такая при истерике.

– И в какое чувство он вас привел?

– На самом деле больно было, даже боялась, что синяк останется. Но я сама его вывела из себя, я же сказала, что сама была тогда виновата.

– Тогда запишите чувства страха и вины. А в чем вы были виноваты?

– Что наорала на него. А надо было смолчать. Моя мама всегда говорила, что женщина должна быть умнее...

– То есть осторожнее?

– Ну, если хотите... (Теперь она злится на меня – отворачивается и откидывается в кресле).

– А вы сами чего хотите?

– Чтобы он вернулся!

– А что будет, если он не вернется к вам?

Ну вот, напомнила повешенному о веревке – снова водопад слез. Гора скомканных салфеток растет.

– Я этого не вынесу!

– Не вынесете – чего?

– Одиночества! Я же уже сказала – он лучший!

– Лучший – в чем?

– Ну, например, лучший любовник! Я никогда и ни с кем не чувствовала такого экстаза, как с ним! Я готова с ним заниматься любовью часами, без усталости!

– Есть такая точка зрения, что ненасыщаемость в сексе может быть связана с тем, что удовлетворение не наступает. Это можно сравнить с едой: человеку достаточно обычного обеда, чтобы утолить голод. Но некоторые страдают булимией.

Задумывается, нахмутив брови, будто вспоминает.

– Да, есть такое.

– Как вы думаете, какова причина?

– Возможно, это из-за того, что он не относится к числу однолюбов...

– В смысле, кроме вас у него есть другие женщины?

– Да-да... И я все время из кожи вон лезу, стараясь из ревности доказать, что я лучшая!

– Как вы относитесь к тому, что ваш партнер вам не верен?

– Да кошмар какой-то! Я просто в бешенстве! Я уж не говорю о триппере, которым он меня наградил – стыд какой, как только я это пережила! Как я в глаза доктору смогла смотреть – это же наш участок, все друг друга знают!

– Запишите, пожалуйста: ревность, бешенство, стыд.

Снова рыдает, вода авторучкой. Даю время на отреагирование чувств. Затихает, вскидывает глаза с надеждой:

– Но он же не все время такой? Бывают и классные моменты!

– Например?

– Например, он водит меня в разные интересные места!

Он мне, можно сказать, мир показал!

– А если конкретнее?

– Ну, например, ездили на горнолыжный курорт. Правда, я там не каталась, я не умею. Зато он на сноуборде просто бог!

– А вы чем занимались?

– Я его снимала на видео, сама фильм смонтировала на компьютере, классно получилась. Потом смотрю – а я-то где? Ни одного кадра, как будто и не ездила... Обидно, получается, что я при нем как зритель и оператор...

– Запишите в список: обида.

– Ну ладно, это неудачный пример! Но есть же другие, те же рестораны! Нет, это тоже не очень удачный пример...

– В смысле?

– Да я вдруг вспомнила, как вечно придем в шикарный ресторан, а у него то денег не хватит, то карта заблокирована, опять мне расплачиваться. Все то да потому...

– И чувство?

– Да было уже, стыд и унижение, что два раза писать.

– Ну, может, есть другие воспоминания?

– Да я уж все поняла. Перечитываю список – и сама в шоке от своих чувств: горечь, отчаяние, жалость к себе, гнев, ярость, возмущение, унижение, страх, вина, ревность, бешенство, стыд, обида... А я-то думала, что это любовь.

– Про любовь вы ни разу не упомянули.

– Можно листок с собой взять? Над кроватью повешу, чтоб вспоминать, когда позвонит.

– Так он же ушел от вас!

– Сомневаюсь я что-то, что насовсем. Спасибо, всего доброго.

25.03.13

Иные законы

Нарядная женщина заносит ногу в лодочке на ступеньку, рукой берется за поручень, и – хлоп! – двери закрываются на половине ноги и половине руки! Подергала – ни туда, ни сюда! Сейчас автобус тронется, красотка в капкане, кое-как балансирует на шпильке, вот-вот рухнет. Через несколько секунд на глазах у остолбеневшей публики ее тело, нелепо раскоряченное, поволочится по асфальту за набирающим скорость автобусом, теряя туфлю и сумочку; узкая юбка лопнет, обнажая изувеченные члены, все в грязи и крови...

Но автобус не тронулся, и ужасных последствий в реальности не произошло, если не считать реальностью картинки, пронесшиеся в воображении Милы. А произошло вот что.

Месяц назад она впряглась читать лекции в реабилитационном клубе для лечения алкоголизма и коррекции лишнего веса. Пообещали хорошие деньги и сервис по высшему разряду – иномарка подъезжает за ней в ее офис, забирает и доставляет к началу лекций в клуб. Не предупредили только о том, что публика смешанная, а увидела – было уже поздно.

Когда предстала перед залом – мама родная, пол-аудитории закодированных алкашей со всеми вытекающими, в лучшем случае четыре класса образования. Вторая половина – грузные женщины с прическами и минимум двумя высшими. Как между ними разорваться-то? Принялась чи-

тать на двух языках: сначала женщинам в научно-популярном изложении, высокие материи и все такое, потом мужикам – на пальцах, по-крестьянски. Тяжеленько, особенно когда до вопросов доходит. Слушательница чего-нибудь эдакое экзистенциальное спросит, типа: «Как вы относитесь к движению за соблюдение прав маргинализированных слоев населения?» И пока Мила пурхается в потугах перевести все это на феню, мужичонка, мающийся от последствий делирия, тянет заскорузлую трясущуюся руку: «Так я не понял, вы маргиналов уважаете или как?!»

Вот так и читала, мечтая, когда же закончится договор, который сдуру заключила с собственного неосведомленного согласия. Заказчик, директор этой конторы, предупредил, чтоб она ни при каких обстоятельствах не говорила в доме повешенного о веревке – то есть не трогала тему алкоголизма. Нет так нет, какие проблемы, лично ее питье вообще не касается. На лекциях слушатели сидят трезвые, а за пределами аудитории пусть хоть захлебнутся! Ее дело – рассказать о последствиях воспитания в неблагополучных семьях, не вдаваясь в вопрос, на кой черт они понадобились алкашам. В конце концов, программу составляла не она.

И вот тут происходит этот, с позволения сказать, инцидент. Отправляется Мила в очередной раз в офис, откуда ее заберет иномарка, дожидается на остановке автобуса, вся роковая, и застревает в захлопнувшейся двери с защемленными рукой и ногой. Дело даже не в том, что сейчас она превра-

тится в ободранный кусок мяса с переломанными костями, страх не про это. Ужас и стыд охватывают при мысли, как она будет выглядеть в глазах людей, причем, чужих и незнакомых, что о ней подумают!

А разве это не все равно? Где-то что-то такое уже было...

...Густой палисадник, среди буйно зеленеющих кленов и акаций люк колодца, под которым глубоко внизу журчит поток воды, пятилетняя девочка в босоножках, сидя на корточках, половинкой кирпича крошит на чугунном люке осколки бутылочного стекла. Из них будет сделан секрет: в ямку, вырытую под кленом, кладется золотинка от конфеты, на нее – стеклянная разноцветная смесь, все это накрывается прозрачным куском оконного стекла, оттертого до блеска листом лопуха, и засыпается землей. Сверху – приметный камень, чтобы потом разыскать место. Если аккуратно расчистить окошечко пальцами, то в земной глубине вдруг откроется пещерка с драгоценностями, подсвеченная снизу фольгой. Красота!

На люке канализационного колодца поколения дворовой детворы столько раз крошили стекло, что сам он весь уже переливается россыпью мелких осколков всевозможных цветов: бирюзового, изумрудного, янтарного. Есть даже мелкие вкрапления частичек красного и синего – редких, а потому особо ценных: бутылок такого цвета нет, это или от катафота, или от синей лампочки. Мила работает аккуратно – надо соотносить силу удара с хрупкостью стекла, а еще беречь

глаза от разлетающихся осколков и успевать отдернуть руку, чтобы не размокнуть углом кирпича. И все же не рассчитала – попала прямо по пальцам ноги, выглядывающим из отверстия в босоножках. Больно, кровяца хлещет, мать на работе, надо скакать на одной ноге к бабушке, которая живет в том же доме. Мила прыгает вокруг дома до подъезда, потом по деревянным ступенькам до второго этажа, кое-как справляется с тугой входной дверью, обитой дерматином с повывезшей из дыр ватой...

Только о-очень серьезная причина может заставить девочку обратиться за помощью к бабе Варе, вырастившей в одиночку своих восьмерых детей, включая старшую – Милину мать. Сначала придется выслушать поток брани, должествующей передать возмущение женщины, которой нет покоя и в старости, но на самом деле эти вопли прикрывают страх. «Не углядишь за вами всеми... Сама виновата, куда смотрела?!» – упрекает баба Варя, но руки быстро делают свое дело – в цинковый таз налита теплая вода, из аптечного самодельного шкафчика с красным крестом на дверке вынуты марганцовка и вата, бинта не нашлось, но бабушка с треском отдирает полоску от постиранной пеленки и оказывает первую помощь пострадавшей. Девочке не только не приходится в голову плакать от боли и жалости к себе, она даже не морщится, героически перенося промывание раны и наложение повязки. И только выйдя молчком за дверь, позволяет себе тихонько поскулить в одиночку...

Это история тридцатилетней давности. Сейчас Мила уже взрослая, в опасности, и молчать нельзя, нужно что-то предпринимать срочно! Водитель явно не видит ее, отвлекся. Мила, наплевав на приличия, орет: «Скажите водителю!» Напрасно – люди на остановке застыли, вытаращив глаза, и никто звука не издаст. Отчаяние, бесполезно все... Секунды превратились в десятилетия, движения замедлились так, будто вместо воздуха густой прозрачный сироп, и сердце метрономом бухает в ушах.

Каким-то невероятным усилием воли женщина берет себя в руки, выдергивает взглядом из толпы пассажира поменяемое на вид, командует строгим голосом, обращаясь к нему лично: «Мужчина, скажите водителю, чтоб открыл дверь, быстро!» Тот встрепенулся, вышел из транса (а может, наоборот, вошел в него), тупо подчинился, сделав, что надо. Двери раскрылись, Мила вошла, упала на сиденье... Остановившееся время снова пошло с обычной скоростью. Короче, Миле сильно повезло.

Вот теперь отходняк. Дрожь, истерика, Мила размазывает косметику по лицу, не может отдышаться после пережитого, трет след от двери на руке. Этот дуралей-водитель, конечно же, несет в микрофон обычную белиберду, которой принято утешать пострадавших и которая не только не утешает их, но и выбешивает еще больше: «Успокойтесь, женщина, сами виноваты... Надо было быстрее шевелиться, вон у меня вас сколько, за всеми не углядишь!» Голос извиняющийся-

ся, а в пятак все равно дать охота, урод долбаный. Деньги за проезд отказывается брать, идиот, как будто это компенсирует перенесшей потрясение женщине эмоциональный ущерб.

Баба Варя фореве. Самое трагикомичное, что Мила все понимает. Знает, что в ее случае никто не виноват. Знает, что водитель тоже человек, имеет право на ошибку. Знает, что и люди на остановке не виноваты, знает, что во время экстремальных ситуаций толпа ведет себя, как стадо овец. И она все правильно сделала, обратившись к конкретному человеку не с просьбой, а с приказом – это включило его, и Мила спасла этим свое здоровье, а может, даже и жизнь.

И про бабу Варю все понятно – низкий поклон этой женщине за ее материнский подвиг. И то, что не было у нее ресурсов пожалеть, сказать теплые слова детям – тоже понять можно: не до жиру, быть бы живу. Но сейчас время другое, что ж душа-то болит по-прежнему? Отчего столько горечи и гнева?

В свой офис вошла, дрожа, но рыдать уже перестала. Есть даже еще минут пятнадцать в запасе до прибытия иномарки, чтобы прийти в себя. Ну хоть здесь свои, можно пожалиться! Шеф глянул, вынул из сейфа НЗ – начатую бутылку армянского коньяку, налил стопку, отломил кусок шоколадки: «Пей!» – «Да мне же лекции читать...» – «Давай уже, лекторша!» – «Так у алкоголиков же читать!» – «Лечись без возражений!» Накатила, закусила. Лекарство разлилось, со-

грело, расслабило члены. Тремор прошел, стало легко. То, чего не смогли сделать люди – сделал алкоголь.

Наверное, в офисе во время рабочего дня пить коньяк нехорошо. Особенно если через час читать лекцию большой аудитории. И особенно если часть этой аудитории – алкоголики в завязке. Но отчего тогда ощущение правильности происходящего? Наверное, душа живет по каким-то иным законам, не всегда совпадающим с людскими. Как все относительно в этой жизни...

В этих раздумьях Мила предстала перед своими слушателями. Что-то изменилось в ней или в них. В каждом из сидящих в зале мужиков-алкашей проглянул теперь мальчик, не дождавшийся утешения от людей, нашедший его позже в рюмке водки. Через глаза каждой женщины с лишним весом глядела девочка, молчаливо заедающая боль шоколадкой.

16.12.11

Морская капуста

Как-то все не выходило у Любы выйти замуж, вот беда. Не то что бы она была совсем одинока, как раз нет. Просто до загса дело не доходило. Хотя и тут все не совсем так, в загс заявление тоже подавала, и не раз. Тогда были такие времена, что подавшие заявление получали талон в магазин для новобрачных, и в те два месяца, что даются молодым на обдумывание серьезного шага, имели право покупать по госценам всякий дефицит вроде импортного белья или туфель. Надо же как-то выглядеть по-человечески, тут все средства хороши.

Был у Любы и другого рода брак, без штампа в паспорте. Был и был, что вспоминать о нем, так и не закончился ничем – ни детей, ни совместно нажитого имущества. Правда, тем, кто не заглядывал в паспорт, можно было говорить, что замужем побывала, галка стоит. Тем более, что не проверишь.

Но так, чтоб по-настоящему, не получалось что-то все. Ну и ладно, не одна такая, все подружки Любы тоже были незамужние. А может, это она сама подруг подбирала так, чтоб было сходство интересов – кто бы ее, одинокую, пустил в дом, где есть мужчина, знаем мы этих скромниц! Вот и дружила с себе подобными, типа, живем другими интересами: аспирантура, то-се, поездки по конференциям, стажировки

ровки – сказано же, незамужняя, но и одинокой не назовешь.

Вот и позвала ее как-то такая же незамужняя, но ищущая подруга за компанию встретиться с тоже свободным, не молоденьким уже, кавалером, вроде как одна стесняется. Любе что – конец лета, белоснежное трикотажное платье, сшитое из китайских кальсон волшебницей-портнихой (времена советские, голь на выдумку хитра), оттеняет загар, делая ее зрительно еще стройнее. Кавалер не для нее, но как знать, может, у него есть друг, и вообще надо ловить момент, пока сорок восьмой размер, достигнутый путем жесточайших самолишений, снова не превратился в пятьдесят четвертый.

Он врач, диагност, делает УЗИ органов малого таза. Повод несколько пикантный, но это как подать. Приглашены женщины к концу рабочего дня, причем, свидание назначено не в поликлинике, то есть не в госучреждении, а в кооперативном кабинете, коего вышеупомянутый мужчина является хозяином. Не тят-ляп, а практически бизнесмен, оказавшийся в авангарде нарождающегося строя, который грядет на смену социалистического.

Итак, перед нами медицинский кабинет, в котором журнальный стол сервирован бутылкой сухого вина и фруктами; вино, якобы, для того, чтобы сделать УЗИ как положено – на полный мочевой пузырь, а чем его наполнить – какая разница. Тем более, что нужно время, чтобы жидкость всосалась, так что впереди целый вечер. Главная претендентка, покрытая красными пятнами, двух слов связать не может,

в то время как приглашенная Люба знай похохатывает в ответ на шутки кавалера, который в лучах удвоенного женского внимания расцветает все ярче.

Мужчина тоже, как и Люба, дистрофией не страдает, но удерживается на той зыбкой границе, до которой толстым назвать еще нельзя. У него все на границе – не лысый, но вот-вот необратимый процесс начнется, не урод, но и красавцем назвать язык не поворачивается, не бедный, но сказать, что денег куры не клюют, тоже невозможно. В общем, нужна женская рука, чтобы направить, куда следует. Развелся недавно, алименты платит – это минус. Не уклоняется – это плюс, значит, надежный, можно положиться. Это Люба про себя все отмечает, так, чисто машинально, чтобы с подружкой потом все это дело обсудить, не для себя же.

А подруга что-то опьянела, затосковала, то ей позвонить надо, то выйти на минутку. Ничего страшного, верная Люба на посту, не даст мужчине скучать в одиночестве в ее отсутствие. И Любины короткие взгляды, как стрелы, жалят парня все чаще и глубже, а ее смех вызывает волнение, которое, он уж думал, не способен испытывать. Вечер продолжается, вино струится по емкостям (два стакана и чайная чашка, увы, что уж было в кабинете), анекдоты про медицину на грани приличия с его стороны, Люба тоже не ударяет в грязь лицом, за словом в карман не лезет, но самое главное – скалит свои ровные зубы в ответ на его остроты, и сам процесс ультразвукового исследования органов малого таза только ус-

губляет веселье расшалившихся врача и пациентки (подруге УЗИ уже не нужно, передумала).

На свадьбе Люба была трогательно мила, всплакнула, когда жених надел ей на палец колечко, гости, тоже растроганные, поздравили молодых, и даже та самая подруга, увидев Любины слезы, простила ее за невольное предательство: что ж, всякое в жизни бывает. После свадьбы Любин хлебосольный дом (комната в общежитии для аспирантов) был открыт для всех – так стремилась она поделиться своим счастьем, выплескивающимся через край.

Жизнь продолжалась. Через год молодые были уже в другой фазе своего житья-бытья. Люба забросила диссертацию, искала, где бы взять денег на покупку своего (их с мужем) жилья, а заодно – работу для супруга, потому что его кооператив накрылся медным тазом, и рассылала его резюме (новое слово для того времени) в разные иностранные компании, торгующие медпрепаратами. Внешне Люба изменилась: к ней снова вернулся пятьдесят четвертый размер, одышка и воспоминания о том, что когда-то ее приглашали в Дом моделей демонстрировать одежду сорок шестого (или сорок восьмого? Точно уже не помнила) размера.

Муж ее тоже теперь выглядел по-другому. Она и сама удивлялась, как этот мужчина умудрился всего за несколько месяцев поправиться так, что на его живот стала налезать одежда только из магазина «Богатырь». Она спросила, как ему удавалось год назад держать нормальный вес. И он рас-

сказал, что когда от него ушла жена, он понял, что надо меняться. Но как? У него в отключенном холодильнике не было ничего, кроме банок с морской капустой, которую он терпеть не мог. Когда он испытывал чувство голода, он вспоминал о морской капусте, и если его при этом тошнило, то, значит, нужно было еще потерпеть. И только когда он начинал думать о морской капусте с некоторым интересом, то открывал консервную банку и ел.

В тот месяц она с ним и познакомилась.

10.11.11

Таракан

Все восемьдесят человек явились ровно в двенадцать на ночной марафон, объявленный заезжим светилом, смогшим приехать только на трое суток из шести, а потому предложившим работать по ночам. Организатору, амбициозной даме за сорок, этот вариант не нравился, но пришлось согласиться, уж больно хотелось посмотреть на работу этого экзистенциального психотерапевта. Все остальные ведущие недельного психологического интенсива, проходившего на загородной базе, вели свои тренинги днем, на общих основаниях, по три часа, честно конкурируя друг с другом за клиента. Этот же, сплюсовав часы, поставил расписание своей группы на ночь с двенадцати до шести утра, разом обойдя всех конкурентов и получив аудиторию интенсива в полном составе, включая ведущих. Примадонна!

Дама-организатор поджала губы, предчувствуя последствия ночного марафона: невыспавшиеся участники либо завтра проспят дообеденные занятия, либо придут и будут отсыпаться на них. С другой стороны – зато не напьются, все равно ночью никто не спит, втихушку потягивают пиво в баре или отрываются на дискотеке. А сегодня даже на дискотеку не пошли – так заинтриговал всех предложенный ночной формат. Короче, надо присмотреться к этому гусю лапчатому, экзистенциальному психотерапевту...

Зал не просто был полон, а буквально лопался, будучи не рассчитан на такое количество народу. Звезда сидел в центре с непроницаемым лицом, дожидаясь, когда смолкнет гул, но люди все прибывали, теснились, двигались, уступая друг другу сантиметры места; через головы передавали стулья, приносимые из других аудиторий, уже стали подтаскивать пластиковые кресла из летнего кафе. Наконец звезда встал и произнес: «Жаль, что меня сейчас не видит моя мама. Она бы стала свидетелем моей славы». Дама-организатор, севшая слегка на отшибе для удобства контроля, хмыкнула про себя, сознавая, что на самом-то деле это слава ее, а он всего лишь пешка в ее игре, легко заменимая, если что.

Потом ведущий предложил выйти в центр двадцати желающим участникам и организовать внутренний круг, и самые прыткие, ломая стулья и ноги, ринулись вперед. Пересчитав их, психотерапевт сказал, что не все люди такие активные, есть и более сдержанные, пусть у них тоже будет шанс. Подождал, пока выйдут еще три тормоза и займут места во внутреннем круге. Остальным велел наблюдать молча, предупредив, что в конце тренинга у них будет пятнадцать минут на то, чтобы поделиться чувствами по поводу происходящего. И понеслось...

Лариска, конечно же, оказалась в центре круга одна из первых. Она пришла в психологию из шоу-бизнеса и сейчас в свои тридцать лет снова была студенткой второго высшего – на этот раз психфака. На занятиях по диагностике

подтвердилось, что она обладает истероидным складом характера, это задело ее немного (в жизни ее часто обзывали истеричкой), но она успокоила себя тем, что в обрамлении высокого интеллекта истероидность становится не недостатком, а достоинством – сопровождается яркостью, эффективностью, привлекательностью. Она и здесь, в этом кругу, выделялась из всех – рослая, видная, ухоженная, одетая со вкусом и дорого.

На самом деле Лариска переживала не лучшие времена, и ее дорогая одежда была остатками былой роскоши. Бывший муж, продюсер канала, на котором она работала, прикрыл лавочку, пообещав, что в этом городе дорога в эфир ей навсегда закрыта. Ужасно противно вспоминать здесь, на тренинге, их последнюю встречу. Накануне он открыл своим ключом ее оставленную им ради ребенка квартиру, изрезал и сжег три ее шубы (тоже подаренные им), самой ее дома, к счастью, не было. А когда они все же встретились, бывший муж пригрозил, что она еще приползет к нему с повинной. За что? Да уж понятно за что: женщине с такой внешностью в шоу-бизнесе всегда есть за что быть виноватой.

Лариска и помалкивала бы от стыда о своей актуальной ситуации, но раз уж пришла на такое мероприятие, как психотерапевтическая группа, да еще вышла в центр – какое вышла, вылезла, выскочила, расталкивая конкурентов! – так уж будь добра, говори о важном. А это и было самое важное: как жить дальше, кем работать, на что жить? Сейчас ле-

то, тепло, весело, а что потом? Это здесь она яркая, красивая и талантливая, это здесь она может изображать беззаботность и флиртовать направо-налево, а что будет, когда придет осень?

И Лариска молча сидела, повесив свою обесцвеченную голову, пока к ней не обратился этот докучливый ведущий, доведший до слез уже несколько участников внутреннего круга всего лишь одним-двумя меткими вопросами, вскрывающими как раз то самое, о чем хочется молчать:

– Какое несчастье тебя сюда привело?

Вот оно, то самое слово, точно называющее ее состояние, – несчастье. И Лариска разревелась, по-детски пуская слюну и размазывая по щекам макияж, такая же яркая в своем безобразии, как и в привлекательности. Икая и отсмаркиваясь, рассказала о бывшем муже, что ненавидит этого гада, что он в ответе за тех, кого приручил, что он отец, а потому должен... Что у нее вся жизнь насмарку, а она не старая и еще могла бы... Что она отдала ему самое дорогое, принесла в жертву и швырнула к его ногам... В общем, шлюзы прорвало, и из Ларискиных уст лился классический текст зависимой женщины, оставшийся без мужа и денег с ребенком на руках, и она никак не могла остановиться.

– Хорошо, я буду с тобой работать завтра, если принесешь на тренинг таракана.

– Таракана?

– Таракана.

– Где ж я его возьму?

– Это не моя забота. Принесешь таракана – буду работать, нет – не обессудь.

Таракана. Зачем он ему? Все восемьдесят участников загалдели, обсуждая странное предложение ведущего, рейтинг которого поднялся еще выше. При чем тут таракан вообще? Ну да, Лариска заколебала своими сиротскими песнями, хоть и жалко ее. Ну да, положение ее не ахти, но она, хоть и с ребенком, однако такая оторва, что окрутит еще какого-нибудь спонсора. Но вообще дела ее – полная безнадега, ее бывший не даст ей жизни, и сделать здесь ничего нельзя, хоть психотерапевт и звезда. И где этого чертова таракана брать, перевелись они почему-то, подевались неизвестно куда. Если разве в столовке какой-нибудь еще остались, надо позвонить в город, пусть кто-нибудь заморочится, отыщет таракана и привезет сюда, на базу, надо так надо, чего ж не помочь женщине, если есть возможность...

Таракана искали сутки всем миром. Нет их – и все! Никто не знает куда, никто не знает почему, но эти твари, пережившие динозавров, не боящиеся радиации, пожирающие объедки, технику, обои, цемент, почему-то исчезли. Типа, спугнули их высокочастотные излучения мобильных и микроволновок. А может, еще что-то, почуяли надвигающийся катаклизм – конец света, например. За завтраком дама-организатор, испуская молнии праведного гнева, рассказывала, как к ней в ее номер люкс в седьмом часу утра вломились

участники в измененке и спрашивали, нет ли тараканов. «Тараканы в голове у ведущего!» – гремела она в узком кругу приближенных, и этот узкий круг из-за громкости ее голоса расширился до величины интенсива. Тараканы не тараканы, но что-то в его голове есть, и до вечера все томились в ожидании, зачем светилу понадобился таракан.

В двенадцать ночи все были на своих местах. Разрумьянившаяся Лариска сидела потупив глаза. Светило не стал томить прелюдиями:

– Принесла таракана?

– Нет.

– Ну, на нет и суда нет. Я предупреждал.

– Да нет тараканов нигде, мы, честно, обыскались. Домой родственникам, друзьям звонили, просили в столовку сходить поискать – нету, вымерли все. Что делать-то теперь?

И среди всеобщего молчания, которое из заинтригованного уже начало превращаться в зловещее, послышался чей-то голос: «Есть!» Через головы от двери к центру пошла коробочка, передаваемая множеством рук.

Есть таракан. Лариска осторожно приоткрыла коробок, настолько, чтобы, с одной стороны, не упустить драгоценную добычу, с другой – не дай Бог не прикоснуться к содержимому, таракан все-таки, гадость какая! Но вместо рыжего усатого с полосатым брюхом мерзкого насекомого в коробке оказался какой-то лесной жук, похожий на таракана, но явно не таракан. Лариска виновато подняла глаза на ведущего:

говорить – не говорить?

– Это не таракан!

– А кто?

– Жук какой-то.

Вот дура! Аудитория вдохнула и шумно выдохнула в справедливой ярости: парились из-за этой дуры сутки, а ее за язык тянут, подумаешь, эксперт! Помалкивала бы, глядишь, подмену бы никто и не заметил, будет, что ли, ведущий проверять, настоящий таракан или нет! Лариска сама уже опомнилась, втянула голову в плечи, сообразила, что лишила народ зрелища.

Но ведущий, видимо, оценил Ларискину честность и махнул рукой на то, что таракан ненастоящий.

– Ладно, пойдет такой. Скажи ему все, что вчера собиралась.

– В смысле?

– Ну, про отданные лучшие годы, про то, что ты в ответе за тех, кого приручил, и про все остальное.

– Кому? Таракану, что ли?

– Ну да.

– Так это же таракан! Он не понимает ничего!

В зале висела тишина.

– О, Господи, ну я и дура! А я столько времени распинаюсь, все пытаюсь что-то объяснить, донести, доказать...

– Что будешь с ним делать?

– Не знаю... Раньше, до сегодняшнего дня, раздавила бы,

а теперь, когда его столько народу искало, старалось для меня – отпущу на свободу, пусть ползет по своим делам.

Лариска подошла к окну, распахнутому в июльскую ночь, и раскрыла коробок.

18.09.11

Жучка

– Меня собака не слушается! Жену – слушается, а меня нет. Залезет на кровать, ляжет на мое место – и не сгонишь. Я ей: «Жучка, пошла вон!» – а ей хоть бы хны!

В его голосе звучат рыдающие нотки. Вообще-то чаще он сидит на тренинге молча. Обрюзгший, вечно потный, лысеющий, с прилипшими колечками темно-русых кудрей, лицо красное, какой-то то ли диабет у него, то ли гипертония. Вроде бы мужчина, но хоть и мало их в подобных группах, однако не котируется: молчит-молчит, потом как прорвет, и тогда его жалобы вперемешку с брызгами и пузырями извергаются сквозь слезы и сопли. Отвращение и брезгливость, смешанные с жалостью.

– И чего хочешь? – лениво откликается тренер в предчувствии нудной сессии, от которой не отвертишься.

Вот тренер – мужик. И что характерно – поддается описанию практически теми же самыми словами: обрюзгший, лысеющий, с животиком, обтянутым заношенным свитером. Но животик животику рознь. Свитер год назад подарили благодарные члены обучающей группы. Не простой: спереди вывязаны два профиля, под другим углом зрения превращающиеся в вазу – известный рисунок Рубина, только стилизованный, чтобы не так банально. Намек на гештальт – тот метод, которому обучается группа у столичного психотера-

певта. Специально собирали деньги и заказывали и рисунок, и свитер.

Он приколотся – надел свитер, развел руками, дескать, теперь штаны новые нужны. Действительно, вид у него бомжеватый, но не от плохой жизни, скорее, от полного пренебрежения к понтам, ценности другие. Видали его и в тройке от Кардена перед залом в тысячу человек, держится так же точно – ни страха, ни сомнения, ирония и азарт. Ну да, в этом тоже есть свои понты: типа, сам в отрепьях, зато в работе Бог: глаза горят, как прожектора, слов мало, но каждое – переворот в душе, сознании и жизни. С самыми конченными клиентами умудряется из ничего, буквально на пустом месте, сделать шоу, глаз не оторвать, влюбленные ученики локти кусают, пытаются мэтра – вот бы нам так, как это у тебя выходит? «Кто знает, из какого сора...» – он еще и классику цитирует, Бог, одно слово. Интересно, что он сделает с этим подкаблучником, которого даже собака – и та не слушается?

При этом, вроде как, и делать-то особенно ничего не надо. Тренер утверждает, что гештальт – такой метод, в котором клиент всю грязную работу делает сам. Ставишь перед собой стул, мысленно садишь на него того, с кем у тебя проблема в отношениях, и говоришь ему о своих чувствах. Затем пересаживаешься на этот стул, отождествляясь со своим визави, и отвечаешь ему. И так столько раз, сколько нужно, чтобы договориться. Эту простую и вместе с тем гениальную схему за год учебы освоили все участники. Освоить-то осво-

или, да только теоретически, а не практически; никто не спешит выходить в центр круга и прилюдно работать с клиентом. Страшно, вся схема вылетает вон из головы, когда клиент начинает выражать чувства. Выйдет такой вот вагино-страдалец, обмякнет на стуле куль кулем, ни бе ни ме, и че? Ну его на фиг, лучше посмотреть со стороны, как работает мастер, у него все так легко, просто и красиво – в театр ходить не надо!

– Ну, давай уже скажешь своей Жучке так, чтобы она послушалась!

Это тренер предлагает. Уж сам-то он умеет сказать так, что не послушаться невозможно. Он находит такие аргументы, после которых спорить неохота. Скажешь ему про свой страх работать с клиентом, а он в ответ: «Хватит трясти дохлыми кроликами своих страхов!» Вся группа ржет – и правда, уже не так страшно. Скажешь, что дорого, что денег нет на учебу, а он: «Я даю вам такой инструмент, которым заработать на учебу ничего не стоит». И это правда, гештальт-подход – инструмент убойный. И крылья расправляются, и открываются дали, новые горизонты. А потом тренер уезжает в свою столицу, и снова становится страшно, и денег инструмент не приносит, и даже чертова Жучка не слушается...

Короче, садит наш герой собаку на стул (мысленно, конечно), лепечет: «Жучка, Жучка!» Фу, смотреть тошно. Меняется с ней местами, из роли Жучки ухмыляется сам на себя,

чувствует презрение, наглеет еще больше. Члены группы – болельщики, чуть ли не «шайбу-шайбу» кричат, так охота засветить этой зарвавшейся Жучке, чтоб знала свое собачье место. У всех наболело навешать обидчику, у каждого он свой. Есть и один общий, но это не только не обсуждается, но даже не осознается, будем валить все на Жучку. Скрутили газетный рулон, суют герою в руку, тот входит в раж, тренер едва успевает напомнить правило – не увечить людей и не портить имущество. Это очень даже вовремя, потому что Жучка догавкалась, сейчас получит за все. И озверевший мужчина лупасит скрученной газетой по сиденью стула, представляя на его месте шавку, только ключья летят...

Домой расходятся победителями – возбужденные, покрасневшиеся. Всех волнует только один вопрос – помогло или нет. Надо ли в реальной жизни проделать то же самое или достаточно здесь, на тренинге проиграть ситуацию по-нарошку? Это выяснится только завтра.

Завтра наступает. Все в нетерпении ерзают, сидя в кругу, когда заходит наш герой. Он спокоен, выглядит как ни в чем не бывало, помалкивает, как всегда. Народ раздражен:

– Ну?

– Че ну?

– Че Жучка-то?

– Не знаю...

– В смысле, как не знаешь?

– Не видел ее. Как зашел вчера домой, она сразу залезла

под ванну и больше не вылезала...

27.09.11

Сундук с секретом

В столовой санатория за столиком, куда меня посадили, три места были уже заняты.

Я приехала лечить экзему. Лазер, уколы, гормональные мази, физиотерапия, диета – все было перепробовано в попытках уничтожить эти шелушащиеся, с невыясненной этиологией, пятна на руках и ногах. Но они были упорны и не убиваемы, и на то была своя причина. Теперь вся надежда на радон, про который здесь сложили местную прибаутку: Белокуриха-река – быстрое течение, а радон без мужика – это не лечение.

Ни в какой радон я, конечно, тоже не верила, а в мужиков – тем более, но есть такой вид лечения, который мало популярен среди людей и который один только и дает настоящие результаты. И как раз этот вид лечения – вера, которой у меня не было. Ни во что и ни в кого.

Я хмуро оглядела своих случайных соседей по столу: девушка (была бы красавица, но слишком бывалый вид), семнадцатилетний кудрявый парень с глазами вразбег и бабулька в черном. Скука смертная, ничего интересного.

Но так не бывает, чтобы совсем ничего интересного. Каждый человек – сундук с секретом, если веришь в сказку. Игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на семи цепях на высоком дубу висит, а где тот дуб – никому

не ведомо. Три таких сундука с неизвестным содержимым ковыряли пшеничную кашу ложками за одним столиком со мной. Мне было до лампочки, что там у них внутри. У меня не было веры.

Но время идет, что-то происходит. При более длительном знакомстве красotka оказалась работницей ЗАГСа, которая умеет так смотреть сквозь мужчин, что были случаи – и не раз! – когда жених забывал, с кем и зачем сюда пришел, и, впад в транс, предлагал руку и сердце не своей невесте, а нашей даме, находящейся при исполнении. Здесь, на радонном курорте, мужики тоже дурели от ее роскошного бюста и отсутствующего взгляда, который они принимали за тонкую игру холодной и расчетливой стервы, и это возбуждало их охотничий инстинкт.

Ее секрет заключался в том, что свекровь при молчаливом согласии матери заставила ее вызвать на шестом месяце преждевременные роды (из-за этого и лечилась здесь, откупились путевкой), и было это вот только, еще молоко в груди не успело перегореть, отчего бюст и расперло. Ребенок жил еще несколько часов, и она до скончания века теперь будет видеть перед собой сухими остановившимися глазами это копошащееся крошечное тельце.

Раскосый парень тоже оказался с двойным дном: не просто молокосос, на фиг никому не нужный, а приехал на курорт с тридцатидвухлетней любовницей, еще и замужней, потому и ведет себя не заинтересованно по отношению

к представительницам женского пола, которых здесь, как и везде в подобных местах, гораздо больше, чем мужчин.

А про бабушку и сказать нечего – так себе, ни рыба ни мясо. Старуха, пятьдесят восемь лет, ее песенка спета. Месяц назад схоронила мужа, все в знак уважения к ее трауру (а может, чтобы не портить себе празднично-беззаботно-курортное настроение) стараются не смотреть в ее сторону. Приехала с внуком, толстым пятнадцатилетним подростком, который поселился в детском санатории недалеко от нашего корпуса. И без того непопулярный из-за своего веса, он проигрывал в глазах насмешливых сверстников еще и потому, что его всюду пасет бабушка в черном, таскается за ним по пятам унылой тенью.

Развлечений на курорте немного: днем радоновые ванны, вечером три танцплощадки, и со всех трех доносится «Владимирский централ», кошмар какой-то. Есть речка Белокуриха – горный холодный ручеек, ни искупаться, ни позагорать, да и как загорать, если все тело в пятнах. Спрятаться в свой номер и не вылезать на люди. Разве что вот в столовую все равно приходится ходить.

Четыре чужих человека по воле случая оказались за одним столом. О чем-то надо разговаривать три раза в день, не сидеть же молча, поедая санаторные завтраки, обеды и ужины. Но даже если молчать, то все равно многое видно и без слов. Например, наш всегда равнодушный юнец с разными глазами однажды приходит непривычно возбужден-

ный и от избытка распирающих его чувств нечаянно опрокидывает компот в хлебницу. С трудом проследив траекторию его раскосого взгляда, мы обнаруживаем за столиком неподалеку семейную пару. Это означает, что на выходные приехал муж его тайной подруги навестить жену (она тоже как-то неестественно весело хохочет, взгляд в тарелку). Официантка подтирает лужу от компота, ставит новую хлебницу. Парень, так и не прикоснувшись к еде, стремительно направляется к выходу, а мы с женщинами переглядываемся со вздохом: молодо-зелено!

И тут наша бабушка отмачивает номер. Объявляет нам, что встретила друга детства! И это не просто встреча какого-нибудь банального земляка, а одна из тех историй, которые показывают в передаче «Жди меня». Во время блокады Ленинграда она училась в первом классе, а он – в десятом. По Ладожскому льду под бомбежкой их вывезли и эвакуировали в Сибирь, расселив по семьям в разных деревнях. Как они узнали друг друга полвека спустя – одному Богу ведомо, только за столом в этот день раздавались радостные вскрики бабушки, а в ответ – наши изумленные возгласы. Впрочем, какая она бабушка – просто зрелая женщина слегка за пятьдесят.

И понеслось! Теперь каждая встреча в столовой отражает новый виток отношений счастливой пары. Внук оставлен в покое и предоставлен сам себе (не до него!), что пошло на пользу обоим. Наворачивая с аппетитом кашу, «бабушка»

спешит поделиться, как они с вновь обретенным товарищем вспоминают ленинградское детство и не могут наговориться – столько им накопилось чего сказать друг другу. И мы радуемся за нее – вот ведь как бывает! И вера начинает слабо брезжить в конце туннеля...

Вдруг приходит расстроенная, глаза на мокром месте. Что случилось? Сказал, что приедет к ней в деревню навестить ее. И что? А то, что перед соседями стыдно, овдовела ведь только месяц назад, что люди скажут? Траур и все такое. Это было за завтраком.

А в обед уже другая тема: и пусть приезжает, кому какое дело, пусть думают, что хотят, а она из-за сплетен не собирается отказывать другу военного детства в гостеприимстве! К бабушке вернулась ее сила, в связи с чем предлагает семнадцатилетнему Отелло полечить его глаз, а то если энергию не использовать в мирных целях, она оборачивается против ее обладательницы, разрушает. Вот как, она еще и целительница!

Ее дед тоже не лыком шит. В очереди к врачу оказываюсь перед ним. Шутит с нами, чужими людьми, будто мы знакомы сто лет. Тут на прием приходит сердитая дама по записи и требует впустить ее по указанному в талоне времени без очереди. Дед без тени недовольства, с той же радушной улыбкой: «Конечно, иди, молодайка, тебе же срочно нужно, а мы посидим-подождем, куда нам торопиться на курорте!» Вся очередь покатила со смеху – так он это душевно ска-

зал, без всякого подвоха. Та смутилась, а дед продолжил, уже не для нее, а для нас: «Пустите ее, всегда есть люди, которые требуют для себя особых условий. Пусть идет, ей надо!» Дама куда-то незаметно делась, затерлась как-то, словно испарилась. В общем, понравился мне дед.

Пересказала инцидент своей пожилой соседке по столу, та светится гордостью. Красавчик! За ужином вовсю идет обсуждение динамики их романа. Внезапно выясняется, что он сделал ей предложение. Щеки избранницы горят румянцем удовольствия – оказывается, есть жизнь и после смерти! О, вера, ты творишь чудеса!

Следующая встреча за столом – новая проблема: дед-то, оказывается, женат! Праведный гнев так и распирает нашу невесту. Да как он мог! Да за кого он ее принимает! Да не может она позволить себе разрушить чужую семью! Да на несчастье других счастье не построишь! В общем, ведет себя, как юная девушка, раскраснелась вся, залюбуешься. Конечно, каждой приятно, если избранник потерял из-за нее голову до такой степени, что и про жену позабыл.

Утро вечера мудренее. К следующему завтраку дозрела до великого решения: а и пусть. Не может его жена мужа удержать – а я-то тут при чем? А и соглашусь! Вот молодец, мы аплодируем, радуясь ее решительности. Энергия так и прет из нее, к нашей героине на прием записалось уже полкурорта, она просто волшебница, лечит наложением рук.

В обед – слезы. Что случилось, передумал, что ли? Нет. Да

говорите уже, не томите! Мне пятьдесят восемь, а он на десять лет старше! И что – разборчивая невеста, что ли? Молодого, что ли, вам подавай? Вон наш Отелло остался не у дел, забирайте! Да нет же, не в этом дело! Так в чем?!! Он умрет, а я опять останусь одна-а-а, снова переживать бо-о-оль! Футь, напугала! Ну, пока что все, слава Богу, живы. Ну, по-рем когда-то, это уж как пить дать, так давайте, пока живые, веселиться! Чокаемся стаканами с компотом и хохочем: смерть, боль и несчастья кажутся глупостью. Не глупостью даже, а необходимым фоном, чтобы острее чувствовать краски жизни. Мы больше не чужие, мы – одна семья и друг друга в обиду не дадим.

Моя экзема не сдается. Упертая какая, надо же! Учиться у нее воле к жизни. Надев купальник, смотрюсь в зеркало: пятна по всему телу, просто жираф какой-то. И что теперь – жирафу отказано в солнечных ваннах? Пойду искупнусь пару раз, позагораю, а вечером – на дискотеку вместе с моей молодой соседкой по столу. И Отелло прихватим, раз уж он такой не по годам грамотный. «Владимирский централ» – классная песня!

16.03.12

Дежавю

Раисандреевна (то ли я так слышала вместо Раиса Андреевна, то ли в самом деле ее так все называли) была неприкасаемая персона, но почему – мне было неизвестно в те времена. Она жила в одной из трех комнат нашей коммуналки за стенкой, на которой висел матерчатый ковер с оленями, а под ним была моя кровать. У нее не было детей, хотя был муж Коля, которого тетя Рая очень любила. Я в свои пять лет делала этот вывод из того, что она в периоды его долгих отлучек чуть не ежедневно ставила заедающую пластинку с песней «Колокольчик», в которой были слова «Коля, Коля, Николаша, на край света за тобой!» Из-за отсутствия звукоизоляции вся квартира слушала, как певица Ольга Воронец заикалась на одной и той же строчке, а Раисандреевна каждый раз заново этому удивлялась, жалуясь своему гостю (это всегда был новый знакомый): «Что это с радиолой случилось?» Видимо, у тети Раи была плохая память.

Отец бессильно рычал в такие моменты, он любил, чтобы техника работала безупречно. В углу нашей комнаты тоже была радиолоа, которую отец собрал сам, а в тумбочке снизу хранилась аккуратная стопка грампластинок, под которые танцевали по праздникам. Инструменты в выдвижном ящике шифоньера, также сделанного руками отца, знали каждый свое место. Отец умел все, однажды он разобрал печь, за-

нимавшую полкомнаты, и провел отопление, установив под окном радиатор, который мать выкрасила бронзовой краской. Теперь, когда на кухне растапливали печь, вода по трубе, идущей через бак под потолком, нагревала батарею – красота и экономия! Единственный минус – в баке страшно хлопотала кипящая вода, но это только в самые сильные морозы. Соседке из другой комнаты, тете Маше, отец отопление по ее просьбе тоже провел, а тете Рае нет, она по-прежнему должна была топить печь в своей маленькой комнате сама, хотя делала это редко.

Тетя Маша говорила, что «ясно, куда пропадает уголь из кухни», что «надоело за этими фраерами унитаза мыть» и что «Колька освободится – тогда посмотрим». Это были взрослые разговоры, а потому непонятные. Тетя Рая никогда не отвечала на эти намеки и даже не выходила на общую кухню. Но если родители отлучались по своим делам, а тетя Маша спала, придя «с ночи» (она работала на железной дороге по какому-то всем известному графику «день-ночь-сорок-восемь»), Раисандреевна выскальзывала из-за своей двери, приветливо щебетала, молниеносно загребала из ведра у кухонной печи несколько совков угля и шустро уносила в свою студеную комнату.

Тетя Рая была невероятно добрая, разрешала подержать в руках свои светящиеся в темноте бусы, обычно висевшие на гвозде, вбитом в беленую стену. Мать ругалась, что бусы излучают вредный фосфор, и командовала: «Быстро марш

домой!» Но все же иногда удавалось хотя бы недолго поиграть с вещичками на подставке трюмо: пудреницей, замысловатым флаконом в виде Московского кремля, тубиком помады, пока тетя Рая «наводила марафет», на глазах превращая свое подвижное бледное, сплошь в веснушках, лицо в произведение искусства. Сначала она густо запудривала его, затем черным подводила глаза и брови, красила губы ярко-красной помадой, становясь немного похожа на клоуна. На голове из рыжей косы сооружала высокую прическу, напоминающую плетеный батон. И, наконец, опрыскивала себя одеколоном, нажимая на резиновую грушу. Тетя Рая была очень красивая.

У матери ничего подобного не водилось. Отец как-то раз грозно швырнул материн бутылек с лаком для ногтей в полойное ведро, и тема искусственной красоты была закрыта. Единственная неистребимая слабость матери оставалась к духам. В своей сумочке она всегда носила флакончик, оплетенный металлическим кружевом с цветными кабошонами – предмет моей неутоленной страсти. В редкие моменты мать разрешала не только потрогать это драгоценное сокровище, но даже открутить пробку и помазать за ушами капелькой духов. Еще в недрах серванта существовала коробочка с духами «Дзинтарс», крышка которой откидывалась, обнаруживая внутри два желудя-флакончика с дубовым листиком на пробке. Эти пузырьки выглядели так завлекательно-прекрасно, что не было никакой мочи ждать, когда же за-

кончатся духи с резковатым запахом, чтобы забрать стеклянные желуди себе в игрушки.

Тетя Рая вела жизнь, окутанную тайной. Например, она носила значок донора из эмали – крошечную капельку крови с крестом и полумесяцем, это значило, что тетя Рая героиня, спасает жизни людей. Взрослые, правда, говорили, что кровь сдают только алкаши, когда нужно закрыть прогул, потому что донорам за это дают выходной и денег. Но это точно не про тетю Раю. Кем она работала – Бог весть, но она сама говорила, что получает в месяц триста шестьдесят рублей («старыми деньгами», – добавляла она как бы в скобках), столько не получали даже вместе взятые отец с матерью, уходившие на работу рано утром и возвращавшиеся вечерами. С полочки Раисандреевна надевала красивое платье с глубоким вырезом и свешивалась из своего окна на втором этаже, далеко отставив руку с бутербродом (толстый кусок белого хлеба с толстым куском докторской колбасы – непозволительная роскошь!), приветствуя всех соседей радостной белозубой улыбкой и громким голосом. Ей отвечали: «Здорово, коли не шутишь!» А вечером из-за стены с оленями опять заикалась Воронеж, а тетя Рая заново изумлялась, что радиола барахлит.

Как-то зимой Раисандреевна завела кошку-трехцветку. Страшнее этого серо-буро-рыжего существа был только смертный грех, но тетя Рая прижимала ее к своей полной груди и восторгалась кошкиной красотой. Через несколько

дней, в очередное затяжное отсутствие тети Раи, отец не вынес круглосуточного мяуканья и пинком вышиб доску из ее двери, а мать и тетя Маша напоили отощавшее замерзшее животное молоком. Потом кошка исчезла куда-то так же таинственно, как и появилась. Это был непонятный, непредсказуемый мир, где все куда-то уходило, потом иногда возвращались.

Так, однажды откуда-то издалека возвратился дядя Коля, бесшумно проник в комнату жены глубоко ночью, когда уже все спали. Потом в детской памяти следует провал, что-то там произошло наутро – нечто такое, отчего пришлось зажать уши: женский визг, мужской мат, грохот падающих вещей и топот ног по коридору за дверью. А в следующем кадре связанный дядя Коля уже лежит на боку на заснеженном крыльце подъезда и сплевывает кровь от выбитого зуба в ожидании участкового – худой, почерневший и невозмутимый, как и всегда. А со спины его подпирает лежащая рядом тетя Рая с вздымающейся грудью, тоже в кровоподтеках, простоволосая, в домашнем платье с оторванным рукавом. Видно, что холод не беспокоит эту пару, наоборот, остужает их разгоряченные тела, только что разнятые соседями, которые столпились тут же. Наконец-то есть возможность как следует рассмотреть дядю Колю перед следующим исчезновением на пятнадцать суток...

Позже наш барак снесли, все разъехались, и больше я тетью Раю никогда не видела и не вспоминала. Пока сорок лет

спустя после описываемых событий в мой кабинет психотерапевта не вошла эта женщина, не устроилась в кресле и не представилась: «Я проститутка». Короткий испуганный взгляд на меня, мгновенная смена выражения лица на шаловливое, и тут же следом заразительный лучистый смех, приглашающий вместе оценить такое нестандартное обстоятельство, как древнейшая профессия моей клиентки.

И в этот момент все картинки из далекого детства одновременно пронеслись перед моим внутренним взором, будто нанизанные на вертикальный штырь времени (так продавщицы в отделах продуктового магазина нанизывали чеки до появления универсамов), и я почувствовала, что я хорошо знаю и эту женщину, и всю ее жизнь. Она выглядела не так, как тетя Рая, волосы и глаза черные, рост повыше. Но все же они были как близняшки – плавные жесты мягких рук, характерное движение оттопыренной нижней губы, как у капризной девочки, и очень живые, отражающие каждую перемену чувства, глаза.

Она затараторила, не давая мне паузы, чтобы вклиниться с вопросом, чего она хочет от нашей встречи, а я уже наперед знала, что она расскажет о себе: в детстве сиротство, интернат; в зрелости коммуналка, распутный муж-алкоголик, взявший ее из заведения с условием, что она бросит свое ремесло. Она и бросила бы, но только денег он все время забывает оставить, и теперь она подрабатывает тайком от мужа, придумывая поводы отлучиться. «А как иначе, вот и вам

надо же было чем-то заплатить. Кстати, я, знаете, что думаю? У нас похожие профессии, даже стоимость часа одинаковая!» И снова приглашающий присоединиться детский залихватский смех.

Суть ее обращения к психологу (то есть ко мне) была в следующем: она прознала, что ее муж заходит на порносайты, и просила заочно загипнотизировать его, чтобы он перестал тратить на это деньги. И еще она ужасно боялась, что он обнаружит там ее рекламу и уйдет от нее. Однако этот наивный запрос был только вершиной айсберга. Настоящая причина прихода была в другом: сорок пять лет, молодость позади, нет ни дома, ни профессии, и если муж ее покинет, то ей придется самой решать задачу дальнейшего выживания. Страшно.

Я с грустью слушала рассказ моей клиентки, потому что понимала: эту непаханую целину ей не одолеть. Что-то мешало ей повзрослеть, и я не понимала, что именно. Время закончилось, я встала, чтобы проводить женщину к выходу. Вдруг на ее подвижном лице я увидела такой смертельный ужас, что у меня самой холодок пробежал по позвоночнику. Она смотрела на свой телефон и бормотала:

- Нет, не может быть! Девять часов вечера!
- Ну да, девять, и что?
- Он всегда звонил мне в это время, все эти годы!
- И что это для вас значит?
- Я не нужна, он меня бросил!

– И что?

– Смерть!

Эта связка между «не нужна» и «смерть» показалась мне, по меньшей мере, нелогичной. Как может наступить смерть у взрослого человека, который никому не нужен?

– Ради Бога, не прогоняйте меня, я заплачу за дополнительное время! Мне нельзя сейчас оставаться одной, я не могу в девять вечера оставаться одна! – билась в истерике моя клиентка, а меня вдруг осенило:

– Что-то произошло с вами в девять часов вечера?

– Да, правда, произошло. Не знаю, есть ли здесь связь, но я почему-то вспомнила один эпизод из своей жизни. Моя мать повесилась, когда мне было шестнадцать. Это случилось вечером, в девять. Я не хотела этого знать, не хотела видеть ее тело. А потом были похороны, и собрался весь город, и только я одна не шла прощаться. И мне все говорили: иди, это же твоя мать! А я упиралась, и не было ни одного человека, кто бы понял меня, они думали, что я бездушная, что я не люблю ее, а мне было смертельно страшно!

Так вот в чем дело. Да, так и бывает: когда дети теряют родителей слишком рано, они воспринимают их уход как предательство, а себя чувствуют ненужными. Говорят, когда четырнадцатилетнему Полу Маккартни сказали, что его мама умерла, он тут же спросил: «А что мы будем делать без ее денег?» Эту фразу поклонники долго не могли простить Полу.

– И что было дальше?

– А дальше я все-таки потихоньку, шаг за шагом стала приближаться к гробу. Постою, отдышусь, сделаю еще шаг. И так и подошла. Что я могла тогда сделать? Я была одна, и никому не было до меня дела.

– Кроме одного человека.

– Кого?

– Вас самой. Вы можете дать этой шестнадцатилетней испуганной девочке то, в чем она нуждается.

– Что же?

– Я не знаю. Но вы знаете. Скажите ей то, что она хочет услышать.

Я замолкла в ожидании. Я сделала свое дело – помогла найти связь между двумя событиями, и теперь от меня ничего не зависит, дальше ее работа. А она молчит, плачет и собирается с силами. Задумчиво смотрит в пространство, представляя ту себя, которой когда-то было шестнадцать лет, которая топталась на месте, упираясь, чтобы не идти к гробу, не встречаться со смертью матери и не осознавать, что с этого момента больше не нужна ей. Наконец, издав сиплый звук и откашлявшись, начинает:

– Тебе очень страшно. Тебе кажется, что ты одна, и ты чувствуешь, что никому не нужна. Но это не так. Я с тобой! Мне жаль тебя, я люблю тебя...

Я взволнованно наблюдаю, как соединяются воедино две ее части – шестнадцатилетняя испуганная девочка и взрослая самостоятельная женщина. На лице поочередно возни-

кает то выражение надежды, то сочувствия. Вдруг на него набегают тень озабоченности, лоб слегка хмурится, и она добавляет:

– Когда-то тебя заставили подойти к гробу. Ты ничего не могла сделать, ты подчинилась. Сейчас все по-другому. С тобой все в порядке, ты больше не должна никого слушаться. Делай так, как чувствуешь, как подсказывает твое сердце...

Вот теперь все. Выдох, слезы все еще струятся, но лицо светлеет и расслабляется. Я тоже выдыхаю вместе с ней. Она пережила страшное время суток – девять часов вечера. И дальше сможет. Сама.

– Пойду, а то кошка дома одна некормленная.

– Кошка трехцветка?

– А вы откуда знаете?

14.03.12

Холодные ноги

Над ней в позе «тяжелая бабья доля» стояли две медсестры, симметрично подперевши одна правую щеку, другая левую. Сокрушались: надо же, такая молодая! Она, лежа на кушетке, смотрела снизу вверх и понимала, что спрашивать их о диагнозе бесполезно, они только протяжно вздохнут в ответ, у них какая-то своя медицинская этика, типа клятвы Гиппократова, согласно которой не сообщать пациентам правду об их заболевании – значит «не навредить». Но по этим вздохам догадывалась, что ничего хорошего.

Вскоре выдался случай спросить как бы невзначай у знакомого терапевта, что это за диагноз такой – облитерирующий эндартериит (разобрала латинскую запись, подсмотренную в карточке, запомнила, даже научилась произносить без запинки), – и тот беззаботно ответил: «Не парься, это точно не про тебя: страдают курящие пожилые мужики». – «А чем страдают-то?» – «Как бы тебе объяснить по-простому? Сосуды зарастают изнутри, кровь в конечности перестает поступать, гангрена, ампутация, летальный исход. А у тебя кто заболел-то?»

Вона как! Ну что ж, у нее вечно все не как у людей. В первых, она женщина, во-вторых, в жизни не сделала затяжки, в-третьих, ей едва минуло тридцать. Но ошибки нет: пожилая хирургиня, хотя и согласилась, что случай редкий,

но все же настаивала на диагнозе. Назначили лечение, которое давалось тяжелее, чем сама болезнь. Какое-то сосудорасширяющее, от которого крыша ехала, но отек с ног не собирался спадать. Еще дополнительные исследования, поездки по медицинским инстанциям, сидение в очередях среди по-настоящему больных так больных. Беснадега и тоска.

Работу, конечно, никто при этом не отменял, учебу тоже. Учиться пришлось из-за того, что пока была замужем – ничегошеньки не научилась делать такого, за что бы платили деньги. Ну, психолог, ну, читает лекции в вузе и редактирует чужие методички, придумать бы, как на это жить, да еще и вдвоем с ребенком. Стала учиться гештальту — странному психотерапевтическому методу, который постигаешь через анализ и изменение своей собственной жизни. Думала, пригодится для левого заработка, но никак не ожидала, что понадобится самой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.